

Солдатская Любань. 1942

Гуляев Владимир

Владимир Гуляев
Солдатская Любань. 1942

«Автор»

2019

Гуляев В. Г.

Солдатская Любань. 1942 / В. Г. Гуляев — «Автор», 2019

Война. Из сибирских деревень уходят на фронт мужики. На их долю выпадает защищать город Ленинград в районе Мясной Бор-Любань. Для кого-то это уже вторая, а для кого-то и третья война. Главный герой — сорокадвухлетний Леонтий, у которого дома остались жена и четверо детей.

© Гуляев В. Г., 2019

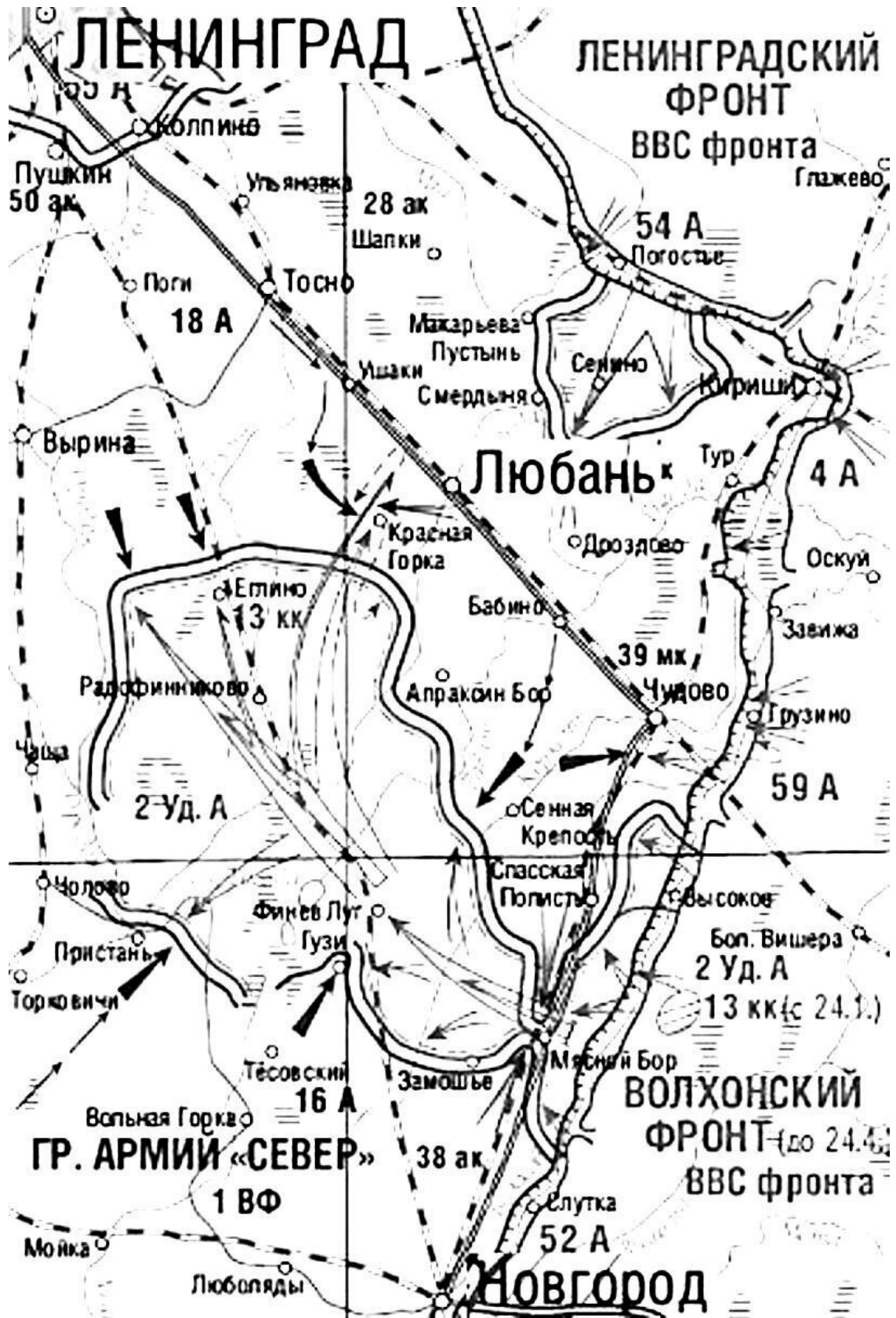
© Автор, 2019

Владимир Гуляев

Солдатская Любань. 1942

Художественно-документальная повесть

Книга посвящена деду автора и участникам Великой Отечественной войны 1941-1945гг. в честь 75-летия Победы. Используются фото из личного архива автора.

*Любанская наступательная операция.
7 января – 30 апреля 1942 года.*

Предисловие

Книг, посвященных подвигам и трагедиям Великой Отечественной войны, написано много как участниками, так и историками-исследователями.

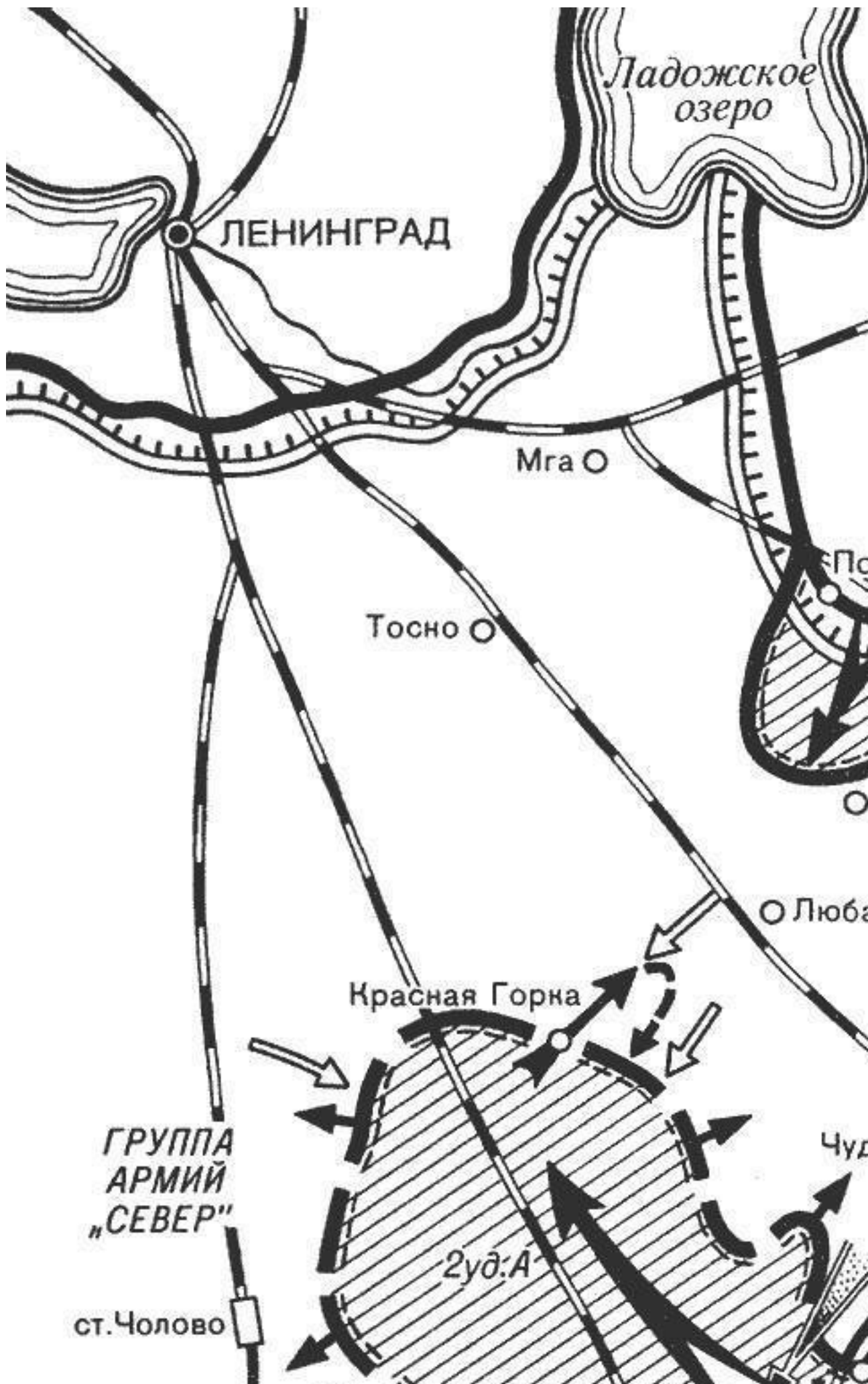
Долгие послевоенные годы тема 2-й ударной армии замалчивалась по известной причине: предательство и сдача в плен генерала армии А.А.Власова во время Любанской наступательно-оборонительной операции на Волховском фронте в 1942 году. Впоследствии выжившие в Любаньской операции и прошедшие рядом со смертью через всю войну не хотели вспоминать о том, что происходило там в тех местах, которые за полгода стали огромным кладбищем в несколько сотен квадратных километров. И только иногда в узком кругу они скупо делились своими переживаниями и воспоминаниями.

Мой родной дед Леонтий (Леонид) Сергеевич Гуляев – участник тех боёв у Мясного Бора с января по июнь 1942 года, рядовой красноармеец 236 кавалерийского полка 87 кавалерийской дивизии 2-й ударной армии. После выхода из окружения в районе Мясной бор он продолжал воевать, защищая Ленинград, был трижды ранен: два ранения – средней тяжести. В начале августа 1944 года осколок разорвавшейся мины раздробил ему коленную чашечку. И после четырёх месяцев излечения в госпитале деда отправили на полгода в отпуск домой до июля 1945 года.

Собирая воспоминания о нём и других родственниках для создания истории своей фамилии, я пришёл к мысли, что нужно бы написать историю о солдате, человеке, прожившем не очень длинную жизнь, всего пятьдесят три года, но честно и ярко, так, что многие из сельчан помнят его до сих пор.

Повесть – это память о том поколении сибиряков, которые родились в самом начале двадцатого века, прошли несколько войн и революцию, коллективизацию и становление советской власти. Основной моей целью было не описывать общеизвестные документальные факты и хронологию военных действий, а показать обычную жизнь простого русского солдата.

Автор

**Краткая информация
о главном герое повести**

Леонтий (Леонид) Сергеевич Гуляев

Дата рождения: 04.05.1900г.

Два класса образования, женат, 4 детей.

Коммунист.

Место рождения: Алтайский край, Павловский район, с. Новообинцево.

Дата и место призыва: сентябрь 1941 года, Павловский РВК, Алтайский край, Павловский район.

Начало службы: 236-й кавалерийский полк 87-й кавалерийской дивизии 13-й кавалерийского корпуса. Дивизия формировалась как в/ч № 2262. 21 сентября 1941 года в лагере под Барнаулом (разъезд №18) весь личный состав дивизии принимал присягу, и полки получили от барнаульских организаций трудящихся красные шефские знамена.

7 ноября 1941 года части дивизии в полном строевом составе принимали участие в демонстрации трудящихся Алтайского края.

Последнее место службы: рядовой, 194-й гвардейский стрелковый полк 64-й гвардейской стрелковой дивизии, 19.01.1943-09.05.1945.

Военно-пересылочный пункт: Ленинградский. Прибыл в часть – 14.01.1945.

Военный госпиталь: № 1114.

Выбытие из воинской части: 15.01.1945.

Куда выбыл: Павловский РВК, Алтайский край.

Тип лечебного учреждения: Эвакуационный госпиталь

Место дислокации: Ленинград

Район дислокации: Ленинградская область. Лечебное учреждение находилось в этом районе с 16.04.1943 по 01.04.1945гг.

Дополнительная информация: г. Ленинград, ул. Институтская, 5 литер дома 18, п/я 563

Ранения – три. Последнее ранение – август 1944 года.

Участие в боевых действиях: Январь – март 1942 года – Любанская операция, июнь – сентябрь 1943 года – Синявинская операция, январь 1944 года – Пулковские высоты – освобождение Красного села, февраль 1944 года – Нарвская операция, 10 июня 1944 года – Выборгская наступательная операция, 20-29 июля 1944 года – освобождение Пскова, Нарвы, август 1944 года – Рига – Курляндская операция.

Награждения: медали «За Отвагу», «За оборону Ленинграда» от 10 октября 1943г.» (Приказ подразделения от 10 октября 1943 года издан 194-м гв. СП 64-й гв. СД {ЦАМО, фонд 2294, Оп. 2, ед. хр. 50, № записи: 1532947822})

На фото: Дед – Гуляев Леонтий Сергеевич с ранеными. Военный госпиталь в г. Ленинграде. 1944г.

* * *

Война. Любань. Долина смерти.
Долина смерти. Мясной Бор.
Полгода адской круговерти.
Болота. Выстрелы в упор.
Был старшина неуязвим,
Перебегав от щели к щели,
Кричал: Вперёд! Мы – победим!
Вперед! В атаку, братцы, мы у цели!

...Ты помнишь, дед мой, Ветеран,
Свист пуль и крик души в атаке.
Как танк на танк шёл на таран,
И солнце в кровь. И всё во мраке.
Как танк на танк шёл на таран,
И солнце в кровь. И всё во мраке.

Вы поднимались матерясь,
Ругались громко, как умели.
Вперёд шли, смерти не боясь.
Не все из вашей роты уцелели...
Кровавый оставляя след,
Косила смерть сержантов и солдат.
Вот чёрный взрыв и ранен дед.
Телега, тряска, медсанбат.

...Ты помнишь, дед мой, Ветеран:
Санбат и красные бинты,
Там умирал сосед от ран...

А за окном цвели ЦВЕТЫ!
Там умирал сосед от ран...
А за окном цвели ЦВЕТЫ!
1985

Февраль 1945

Февральским морозным утром 1945 года Леонтий сошёл с поезда на вокзале города Барнаула, вдохнул полной грудью родной сибирский воздух.

Почти три с половиной года не был он дома. Три долгих военных года! Казалось, что прошла целая вечность.

Его никто не встречал, он специально не стал сообщать о своем приезде домой из госпиталя, где ему на целых шесть месяцев дали увольнение в запас после трехмесячного лечения! Шесть месяцев тишины, без войны! Шесть месяцев без стрельбы и потери боевых товарищей! Шесть месяцев дома, с женой и детьми!

Какое-то время Леонтий стоял, не двигаясь, наслаждаясь привокзальным городским шумом. Из-под его расстегнутой шинели виднелись две блестящие медали «За отвагу» и «За оборону Ленинграда». Только сейчас, только здесь в Барнауле, он ощутил, что война далеко, а дом близко – вот он, рядом, каких-то девяносто километров! «Как долго я не был дома! Целую вечность! Манька–Марийка, дочка, уже во втором классе. Генке – шестнадцать! А Фёдор с Николаем вообще уже мужики! Николай даже повоевал, по инвалидности комиссован, но, главное живой. Скоро-скоро свидимся!» – мысли вихрем неслись в голове.

Мимо пробежали гражданские, встречавшие своих солдат, военные, прибывшие, как и он, из госпиталей: кто-то в увольнение, а кто-то и совсем, по инвалидности, на костылях. Суета вокзала его радовала, где-то рядом в этой суетной толпе смеялись и плакали, но это были слёзы встречи, слёзы радости.

Из первых двух вагонов выносили на носилках тяжелораненых, эвакуируемых в барнаульские госпитали; для многих из них война, возможно, уже закончилась. «Ну, что же, до июля побуду дома, а там видно будет, может и война кончится, а нет – так на фронт! А сейчас бы самое время перекусить да попутку до деревни или хотя бы до Павловска поискать», – подумал Леонтий и, прихрамывая на левую ногу, опираясь на палку-трость, вышел на привокзальную площадь.

На площади было людно, поодаль стояли конные подводы из саней-розвальней и саней-кошёвок да пара полуторок, наполовину крытых брезентом. Некоторые возчики, одетые в длинные тулупы, были явно издалека. В надежде встретить знакомых Леонтий подошёл к группе пожилых возчиков, куривших самокрутки.

– Привет, мужики!

– И тебе, солдат, доброго здоровья!

– Что, всё? Отвоевался, слава Богу? Али как?

– Али как! Вот, как бы в отпуск домой на полгода. Из госпиталя.

– Ну, это, слава Богу, живой остался! А там, глядишь, и война закончится, по ходу дела к лету фрица задавим. Кончилась его сила. Припёрли мы его к стене-то. Так, солдат?

– Похоже так. Но уж больно он сопротивляется, сволочь!

– Да и народу-то сколько положил! У нас в деревне в каждом доме почти похоронка. А где и две! Вот такие дела!

Мужики некоторое время курили молча.

– А ты сам-то с какой стороны будешь?

– Из-под Шелаболихи я, из деревни Новообинцево. Думал, может, кто из земляков среди вас есть. Или из ближней деревни, или из Павловска.

– Да был здесь один из-под Павловска, из Рогозики вроде. Кого-то привёз встречать тоже. Вон его сани стоят у чайной, а сам-то, наверно, для согреву зашел чарочку принять.

– Где воевал-то?

– Под Ленинградом. С января сорок второго всё там, под Ленинградом.

– Долго в госпитале-то пролежал?

– С начала сентября сорок четвёртого.

– Долго, однако! Серьёзное ранение.

– Да, в бедро и в колено попало. Третий раз за войну. Два раза-то более-менее, а вот в третий раз – хорошо задело. И, главное, опять в левую ногу, как на Гражданской. «Везучая» нога!

– Да уж!

– Ну ладно, мужики, спасибо вам!

– За что спасибо-то? Это тебе, солдат, спасибо за службу твою.

– Прощевайте! Пойду в попутчики проситься, авось повезёт.

– Да повезёт, куда он денется-то!

Леонтий направился к чайной. В прокуренном зале, пропахшем пивными парами, несколько небольших компаний мужиков решали насущные вопросы за кружкой пива. За крайним столиком сидел мужичок в сером тулупе, перед ним полстакана с водкой, шматок сала с луковицей и хлеб. Это явно был тот возчик из Рогозики, он-то и нужен был Леонтию.

– Привет, земляк!

– И тебе, солдат, не хворать. – Мужик степенно допил водку, закусил.

– Ты ведь, земляк, из Рогозики будешь?

– С Рогозики. А ты вроде как не с нашей деревни. Откуда знаешь про меня-то?

– Да мужики там, у вокзала, сказали. А я из Шадры, из Новообинцево, значит. Вот попротиться хочу к тебе, до Павловска добраться. А там уж я и пешком до деревни или в попутчики попаду к кому-нибудь.

Мужик, не торопясь, завернул сало, остатки хлеба и лук в тряпку, сунул сверток в карман тулупа:

– Я то что? Вот председатель даст добро – так, по мне, и поезжай.

Перекусить Леонтию не удалось.

Они вместе с возчиком вышли из чайной и направились к саням, количество которых заметно поубавилось – разъехались.

– Вона и председатель с супругой идут. Она у него на курсах каких-то была в Новосибирске. Поговори с ним, мужик он нормальный, тоже бывший фронтовик.

От вокзала к ним подходили женщина и мужчина. Мужчина немного прихрамывал. «Видимо, тоже ранение в ногу было», – подумал Леонтий.

– Добрый день, председатель! Земляка до Павловска не подбросите? Своим не стал сообщать, неожиданно решил приехать.

– Из Шадры он, из Новообинцево.

– Добрый-добрый, надеюсь! Отвоевал, значит.

– Нет ещё, на полгода, до июля на излечение еду. Фамилия моя – Гуляев. Леонтий Сергеевич.

– Ну, что ж, усаживаемся в сани, а по дороге и поговорим. Не поспешая, часов пять до Павловска будет, так что время есть наговориться.

Застоявшаяся лошадь резво взяла с места, быстро перейдя с шага на мелкую рысь.

– Добрая лошадь – легко идет.

– А ты где воевал-то, Леонтий Сергеевич?

– С января сорок второго всё под Ленинградом да около него. Вначале в кавалерии, а потом стрелком, пешим ходом да ползком.

– Да!... Не сладкое дело – война! Страшная и жестокая.

– А ты, председатель, видать, тоже фронтовик?

– Был фронтовик. А вот весной сорок второго уже и отвоевался. Комиссовали вчистую.

На этом недлинный разговор двух солдат и закончился, до самого Павловска Леонтий и председатель перебросились ещё несколькими короткими фразами: не любили фронтовики о войне говорить, не любили и не хотели. Укутанные в тёплые тулупы, под размеренное покачивание саней, мерный скрип полозьев о снег, похрапывание лошади, попутчики периодически погружались в короткий сон.

К вечеру въехали в Павловск. В центре села остановились, чтобы размять ноги.

– Леонтий Сергеевич, я вот спросить тебя хочу: а Николай Леонтьевич из Шелаболихи, случаем не твой сын?

– Николай? Мой. Старший сын. А, что?

– Да дельный парень! Сейчас он – первым секретарём райкома комсомола работает в Шелаболихе. Серьёзный и деловой парень! Отличный будет из него руководитель и хозяйственник! Я как-то в городе на совещании с ним познакомился. Боевой парень, он тогда ещё с костыльком ходил, прихрамывал. Да мы многие так, война пометила навсегда.

– Да, пометки на всю жизнь получились. Ну, спасибо тебе, председатель! Приятно слышать хорошее о сыне! Ну и спасибо Вам, что подвезли! Может, ещё и встретимся!

– А в Павловске-то есть кто? Свои?

– Есть! Переночую, а завтра и дома буду!

...На следующий день, ближе к полудню, Леонтий вошёл в родную деревню. То ли показалось ему, что солнце светит ярче, а воздух чище и мягче, а от снежных сугробов исходит такая легкость, какую он уже давно не испытывал, что хотелось бежать вприпрыжку, как в далёком детстве, то ли на самом деле было так. Комок подкатил к горлу, сердце застучало быстро-быстро, готовое выскочить и бежать впереди него, глаза увлажнились. Такого с ним ещё не бывало, а если и было, то когда-то давно-давно, в другой жизни, да затерялось, затёрлось и позабылось...

Война

Война была ожидаема, но, всё же, начавшись 22 июня 1941 года, прогремела громом среди ясного неба.

Войны и лихие времена не обошли стороной и эти два сибирских села: Шелаболиху и Новообинцево. В каждую семью постучала костлявая и провела своей косой. Побывала и в моей родне.

В Первую мировую войну погиб Савелий Сергеевич Гуляев (1890-1914). Имел сына.

В Гражданскую войну (1918-1920) были призваны в Красную Армию ещё два Гуляевых: Архип Сергеевич (1897-1970) и мой дед – Леонтий Сергеевич (1900-1953). Архип был контужен на Польском фронте и вернулся инвалидом (стал почти глухим от разрыва снаряда), Леонтий отделался лёгким ранением в левую ногу. Потом были сложные годы коллективизации и становления колхозов. Подрастали дети, часто слушавшие вечерами военные рассказы отцов, а днём в свободное от полевых работ время игравшие в «белых» и «красных» деревянными саблями и ружьями. И никто из них не знал, что где-то уже готовятся планы и на их судьбы, льются свинцовые пули, точатся болванки снарядов и гранат...

Ещё не совсем забыли люди потери родственников в тех войнах, а тут пришла новая страшная весть о войне с Германией: «В 3 часа 15 минут утра 22 июня 1941 года началось вторжение в СССР». Фашистские самолёты бомбардировали Киев и Минск. В тот же день войну

Советскому Союзу объявили Италия и Румыния, союзники Германии, 23 июня – Словакия, а 27 июня – Венгрия.

Почти все сельчане были на полевых работах и на покосе за рекой, но уже после полудня в центре села Новообинцево, у сельсовета, организовался митинг с представителями райвоенкомата. Объявили фамилии наших сельчан, которые сразу после митинга считались мобилизованными и направлялись на фронт.

«За всю войну из нашего села погибло 172 человека, много вернулось ранеными – инвалидами, были и те, кто остался целым и невредимым, но, скажем прямо, немногим посчастливилось, пройдя весь ад войны, вернуться без увечья домой.

Хотя и были, можно сказать, удивительные для такой войны случаи. Очень редкий случай имел место, и я думаю, редкий не только для нашего села, но, возможно, и на весь Алтай. Фёдор Егорович Павлихин, колхозный шофёр, на своей машине-полторке прямо с митинга увёз мужиков в Барнаул на мобилизационный пункт. Там он тоже был мобилизован вместе с машиной и прошёл всю войну до самого поверженного Берлина, а после Победы, к осени 1945 года вернулся на своей полторке домой, в родной колхоз «Комсомолец». Живым и даже не раненым. Сельчане его часто спрашивали: «А ты, случаем, не в рубашке родился?». Вообще-то таких счастливиц было даже по стране мало, а у нас – один на весь район». (Из воспоминаний ветерана Великой Отечественной войны Н.Л.Гуляева, посёлок Павловск, 1988 года).

В первых эшелонах мобилизованных сибиряков (1941 года) ушли на фронт и мои родственники из поколения дедов: Леонтий Сергеевич Гуляев (04.05.1900-20.10.1953) – мой родной дед по отцу, Фёдор Сергеевич Гуляев (1902-1995), Семён Дмитриевич Кечин (1907-12.04.1942) – мой родной дед по матери, Иван Гаврилович Калинин (1905-1988), Александр Иванович Григорьев (1912-1981), Иван Яковлевич Гулимов (1904-...), Яков Петрович Кечин (1913-...), Прокопий Петрович Кечин (1904- 1943), Владимир Петрович Кечин (1924–1944), Прохор Сергеевич Гуляев (1896–пропал без вести в 1942-м). Синельников Кирилл Афанасьевич (09.06.1909– 02.03.1995)

Подвиги, совершенные ими, были отмечены государственными наградами и вошли в Летопись победителей.

Мобилизация. 1941-й

Леонтий Гуляев, придя домой из конторы колхоза, швырнул фуражку на лавку у печи и сказал куда-то в угол избы, не глядя на жену:

– Всё, Паша, немчура опять войну затеяла! Стало быть, на днях мобилизуют. Это не гражданская буча будет, прольётся, похоже, крови много. Ладно, что сыны ещё пацаны, может, и минует их лихо. А мне надобно будет собираться.

Прасковья, жена Леонтия, охнув, опустила на лавку, поднеся к лицу кончик платка, зажатого в левой руке.

Она молча посмотрела на мужа, как бы говоря ему: «А как убьют? Чё делать-то будем?».

Паша всегда мало разговаривала, такой у неё был характер – неразговорный, но все родные понимали её с полувзгляда, с полуслова.

Леонтий понял её, и ему стало жаль эту маленькую, робкую, всегда спокойную женщину. Он, возможно, впервые увидел всю её беззащитность и осознал, что дороже этой женщины, матери его четверых детей, у него нет! Хотелось сказать какие-нибудь ласковые слова, но не в его характере было нюни распускать.

Он просто присел рядом, обнял её крепкой мускулистой рукой:

– Нет, Паша, не убьют! Вернусь я, Паша, вернусь.

Сказал и как-то сам себе поверил, что не могут его убить на войне, не его это время! Не его! Ничего, они и не такое преодолевали, хоть в Гражданскую войну, хоть в годы коллективизации: вилы всегда заточены были да берданка заряжена.

Деревенские мужики, получившие повестки в самые первые дни войны, собирались в центре села, прощались с жёнами, детьми и родственниками, усаживались в кузов полупорки, чтобы ехать в Барнаул на призывной пункт. С ними уехал добровольцем младший брат Леонтия – 39-тилетний Фёдор, работавший заведующим Шелаболихинским «Заготзерном».

После отъезда мужиков как будто образовалась в деревне пустота. Видимо, и природа почувствовала беду, потому что и птицы стали щебетать, а не в полный голос петь да насвистывать, солнце хоть и пекло, но казалось, что светит через хмарь.

Через полтора месяца, в августе, и Леонтий отправился на фронт. В то время уже начали приходить похоронки в ближайшие деревни.

Рано утром Прасковья затопила печь, испекла шанежки. Дети тоже проснулись рано, раселись за столом все, всей семьёй, что было в последнее время не так часто. Леонтий сел, как всегда, в торце стола.

– Ну вот, сыны, такие дела, война, значит. Посидим, позавтракаем все вместе на дорожку. Может, и не свидимся более. По-разному мы жили: и хорошо, и не очень, но дружно, как деды наши жили дружно и уважали свой род, Гуляевых, да и к другим людям не врагами были. Так и вы живите далее. А бог даст, свидимся! Ну а нет, то помнить будете, – сказал он.

Шанежки ели молча, макали в мёд и запивали молоком. Все понимали, что отец может погибнуть. Одна маленькая Мария была радостная, видимо оттого, что все были рядом, и солнечное утро своими теплыми лучами играло по комнате.

Провожала Леонтия вся большая родня: жена с детьми, старшие братья Прохор и Архип, каждый со своим многочисленным семейством. Прохору было уже сорок пять лет, а Архипу – сорок три, но на фронт его уже не призвали; в Гражданскую получил он сильную контузию, почти глухой стал после того.

– Эх, Лёва, повоевал бы и я с тобой, как тогда в Гражданскую, да, видимо, не возьмут.

– Нет, брат, точно не возьмут. Здесь давай в деревне будь. Своих пацанов подымай да за моими приглядывай, – громко прокричал Леонтий Архипу на ухо. – Давай, Архип, прощаться будем.

Молчаливый Прохор протянул Леонтию руку, обнял крепко да разговорился:

– Прощай, брат Лёва! Фёдор уже воюет, вот и тебе время подошло. Если что, зла не держи, мало ли что было! Береги себя насколько можно! Бог даст, свидимся! Я, видимо, тоже скоро призовусь, заявление уже написал в военкомат. О детях не беспокойся, мы с Архипом да с жёнками присмотрим за ними. Да и в деревне почти все – родственники, так что обижены не будут. У меня самого семеро, а как на фронт уйду, тоже люди помогут им, поди. Вот такие, брат, дела.

– И ты, Прохор, на меня не обижайся. Вроде в мире жили, но если есть обида – не держи!

Полупорка с сидевшими в кузове мужиками из соседних сёл уже стояла у сельсовета в ожидании новообинцевских новобранцев. Прощался с семьёй Леонтий не долго: не любил он эти нежности разводить, но зацербил что-то в груди, заныло.

Чтобы не затягивать время прощания, он быстро обнял жену, крепко пожал руку старшему сыну Николаю, потрепал по плечу среднего Фёдора, прижал к груди младшего Геннадия, пятилетнюю дочку Марусю, которую он нёс на руках от самого дома, поцеловал, погладил по голове, поставил на землю и повернулся к сыновьям:

– Матери, сыны, помогайте, а Марию не обижайте. Вернусь – проверю!

С этими словами он забрался в кузов отъезжающей полуторки. Пыль, поднятая её колёсами, какое-то время ещё висела облаком, скрывая силуэты уезжавших мужиков.

Многие из них так и исчезли в той пыли военных дорог навсегда. И пыль толстым слоем засыпала их следы. Только память осталась в семейных альбомах и фамилии на плитах мемориала в центре села...

Полуторка тряслась и подпрыгивала на ухабах дороги, раскачиваясь из стороны в сторону. Мужики, молча куря самокрутки, зажатые в кулаке, думали каждый о своём. Оглядываться не хотелось, смотреть вперёд тоже особого желания не было.

Страх Леонтий не испытывал, была какая-то тревога, щемящая в груди, какое-то волнение, как перед грозой, когда начинала беспокоить раненая ещё в Гражданскую левая нога. Вспомнился старший брат, Савелий, погибший в Первую мировую войну. Савелий, молодой и красивый, с белокурыми кудрявыми волосами, высокий и широкоплечий, похожий чем-то на брата Фёдора. Тогда он тоже уехал с несколькими мужиками на подводах на ту войну, которая была далеко, да и не вернулся. Не вернулись с войны в деревню ещё мужиков тридцать. Леонтий многих знал и помнил.

Воспоминания всплыли сами, как-то сразу и так явно, как будто всё вчера происходило. Деревенские пацаны и девки провожали своих отцов и братьев до самой Каменской трассы. Беременная жена Савелия Ольга, братья Прохор, Архип, Леонтий и Фёдор тоже шли рядом с телегами, попрощались с Савелием, как оказалось, в последний раз.

Ольга родила раньше срока сына Алексея, практически в день гибели Савелия. Сейчас Алексей тоже, наверное, призывается в Новосибирске на фронт. Чуть позже Савелия и Прохор был призван в армию, отвоевал немного, около двух месяцев, на Румынском фронте, получил ранение в плечо, лечился в лазарете Екатеринбурга. Прохор вернулся, а вот Савелий так и сгинул где-то на полях войны четырнадцатого года.

Память напомнила Леонтию и давние годы, предреволюционные, когда они с братьями разнимали шадринских и самодуровских мужиков, дерущихся на льду, как бы на границе между двух деревень. Чего делили подвыпившие мужики, так никто и не узнал. А он сейчас вот вспомнил тот случай с улыбкой и с внутренним удовольствием, как будто недавно это было. Несколько мужиков из той «свалы» сейчас тоже ехали с ним в кузове. Им, как и Леонтию, было уже порядочно лет, кому-то сорок, кому-то под сорок пять. Тогда эти мужики дрались, а они, братья Гуляевы, пошли их разнимать, с миром пошли, но получили кулаком кто в нос, кто в ухо.

Братья Гуляевы роста были небольшого, но широкоплечие, кряжистые. За себя могли постоять и своих не дать в обиду. И не стерпели. Понесли. Уложили на лёд тогда почти всех: и своих и чужих. После этого случая стали их звать Куликами: «Кулик не велик, а всё же птица».

Вспомнил он и то, как они с Архипом уходили на Гражданскую войну, как вернулись. Архип – контуженный на Польском фронте, а он – хромящий от ранения в левую ногу.

И после Гражданской ещё долгое время бывшие колчаковцы, разбежавшиеся и расселившиеся по мелким поселениям и заимкам, вредили и «портили кровь» местным властям. Они и сынки местных кулаков создавали в округе сёл и деревень вооружённые летучие отряды, которые укрывались в лесах и сводили счёты с местными активистами, а то и просто занимались обыкновенным бандитизмом.

Остатки банды Кайгородова долгое время скрывались за рекой в инском сосновом бору, откуда устраивали свои налёты на близлежащие сёла и деревни.

Поэтому в те далёкие годы всех председателей Сельских Советов вооружали винтовками и наганами. И ему, Леонтию, тоже, как председателю сельского Совета, избранному в 1929 году, выдали три ружья: винтовку-трёхлинейку, две берданки и наган, который он всегда носил с собой.

По всей Сибири был сильный голод и процветало воровство. Воровали всё, что можно было съесть или продать. В основном воровали животных, поэтому селяне вынуждены были загонять на ночь свой скот прямо в дома, если не было хорошо укреплённого скотного двора. Сельским Советам сильно добавило хлопот и тревог большой наплыв кочующих цыган и выселение из Киргизии в Сибирь бывших богатых киргизов. Эти люди, не имея ничего своего: ни работы, ни жилья, вели себя как временщики, и воровство стало главным их ремеслом. Редкая ночь проходила спокойно; часто среди ночи кто-нибудь из сельчан стучался в дом Леонтия и просил помощи. И тогда он поднимал по тревоге свой актив, вооружал, и начинался поиск воров и краденого. Иногда получалось сразу обнаружить и пропажу, и преступников, которые сознавались в совершённом воровстве и раскаивались.

В памяти всплыл и случай 1932 года, когда ворами были уведены две «коммунарские» лошади. Их поиск в течение суток ничего не дал. Только после того, как один киргиз (которого Леонтий принял и пристроил на жительство в колхозной конторе, видя, что большое семейство киргиза не сможет выжить, если им не помочь с жильем и работой) сообщил, кто украл и где пропажа, вор был арестован, но не сознавался. Пришлось посадить его до утра в погреб-ледник «для обдумывания своего бытия».

На следующий день подозреваемого забрали сотрудники районного ОГПУ. Немного погодя его отпустили за недоказанностью, а через несколько дней Леонтия арестовали и осудили на семь месяцев по статье 110 УК (1929) «Превышение власти или служебных полномочий...», обвинив его в незаконном лишении свободы человека.

«Как быстро бежит время» – думалось ему. И эти думки о скоротечности жизни, о постоянной борьбе за что-то и с кем-то, двигали его желваки, а руки сами сжимались в кулаки. В его голове неслись мысли: «И чего им всем надо? Бьёшь их, бьёшь, а они всё не уймутся! Живи, работай, рыбачь, детей расти. Только жизнь более-менее наладилась. Хоть немного бы спокойно пожить, так нет – на тебе! Войну опять затеяли... Ну, что же, значит будем биться, чтобы не убиться».

Проехали Павловск. Там на центральной площади тоже толпились люди, уходившие на фронт, и их провожающие. Ещё через час полуторка въезжала в Барнаул.

Формирование дивизии

В Барнауле новобранцев расселили по баракам и на следующий день определили места службы. Леонтий, как бывший кавалерист Гражданской войны, был зачислен в 236 кавалерийский полк 87-й кавалерийской дивизии, который располагался в бывшем пионерском лагере в Сухом логу.

В эту же дивизию, только в другой полк, попал и двоюродный брат Леонтия Тимофей Гуляев, как человек был полной его противоположностью. Хитрый и скрытный от рождения, Тимофей искал везде и во всём только личную выгоду, часто ничем не брезгуя. Он и тут сумел пристроиться – в продовольственном транспорте, чем и подтвердил свою деревенскую кличку Тима Хитренький, которой его окрестили односельчане за постоянные приспособленческие уловки и хитрости.

- Что, Тимоха, требуху набивать теперь будешь? Смотри, аккуратней, не обожгись.
- Да, чё ты, Лева, я, может, ещё и тебе лишний кусочек мяса подкину. Мы же сродники!
- Кому сродник, а кому и не угодник! Прощевай, Тимоха!
- И тебе ветер в спину, Лёва.

Вот такой диалог состоялся между Леонтием и Тимофеем Гуляевыми, и их дороги, у одного прямая как он сам, а у другого – извилистая, как у ужа, разошлись окончательно.

Леонтий даже радовался тому, что служить они будут в разных полках, а то в бою обязательно подведёт, подножку подставит. Пускай уж подальше будет, так спокойней...

«Тимофей Гуляев, которого в деревне прозвали Тима Хитренький был призван в одно время с моим отцом в формирующуюся на Алтае 87-ю кавалерийскую дивизию, которая в боях под Любанью на Волховском фронте попала в окружение, но большинство кавалеристов сумели выйти из окружения, а Тимофей сдался в плен. Этим своим малодушием он окончательно погубил свою жизнь. Дальнейшая его судьба сложилась очень не завидно: вначале он вместе с другими пленными был увезён в Германию, затем во Францию, а в конце войны в Америку американцами. После по договору между США и СССР они были возвращены на родину через Владивосток.

Мне в июне 1945 года довелось быть в городе Барнауле на комсомольских курсах и мы, слушатели тех курсов, встречали первый поезд с демобилизованными солдатами-победителями. Это был прямой поезд из Берлина.

Я тогда встретил там двух своих земляков-односельчан: Павла Степановича Бородину и Ивана Яковлевича Гулимова. Оба они – артиллеристы, участвовали во взятии Берлина: артиллерийским огнём поддерживали пехоту, штурмовавшую Берлин. Выглядели они прекрасно – тогда ещё молодые, brave солдаты. И надо же так случиться, что в стороне от этой бурно ликующей толпы мы увидели припухлого, грязного и небритого нашего земляка – «Тиму Хитренького», одетого в старую латанную-перелатанную одежду.

Мы его с трудом, но узнали:

– Тима, ты откуда же взялся такой?

– Я вернулся из кругосветного путешествия. За все эти годы своего плена я объехал вокруг земного шарика, – был ответ.

И это была правда. После высадки из Америки во Владивостоке он зайцем на товарняках пробирался в город Барнаул. Но больше, после той встречи, я его не видел – в родную деревню он не вернулся.

Другой случай – дезертирство из трудармии Максима Гуляева, который долгое время скрывался в Заобских лесах, и в 1943 году замёрз в стогу сена. Третий дезертир – Николай Тапильский (старше меня на два года) дезертировал из действующей армии и с себе подобными скрывался за рекой в лесах, а в 1946 году был арестован за убийство сторожа при ограблении магазина, и за все преступления был приговорён к расстрелу». (Из воспоминаний ветерана Великой Отечественной войны Н.Л.Гуляева, посёлок Павловск, 1988 года).

В полк поступало обмундирование, вооружение, лошади и фураж. Каждый день новобранцы с Алтая, Красноярска, Новосибирска и Омска пополняли полк; в основном все они были из сельских мест, умеющие обращаться с лошадьми. Ежедневные занятия по боевой и конной подготовке проходили в усиленном режиме: с утра до обеда будущие кавалеристы отрабатывали посадку, удержание равновесия при разных движениях лошади (рысь, галоп, карьер), различные способы управления. Нужно было, не только научиться правильно сидеть на лошади, но и найти контакт с ней для точного и правильного управления.

После обеда проходили стрельбы, лёжа и на скаку с седла; лошадь должна была привыкнуть к выстрелам, чтобы потом в бою не испугалась. Это оказалось целой наукой. Мужикам от сохи было проще, чем городским, улучшить свои навыки верховой езды, поэтому Леонтий через две недели уже плотно сидел в седле на своём коне по кличке Седой. Седой был резв, смел, послушно и чётко выполнял команды, даже на стрельбу почти не реагировал, воспринимал как само собой разумеющееся. Казалось, он родился, чтобы быть кавалерийским конём, и именно у Леонтия.

Они научились так понимать и дополнять друг друга, что даже новый командир полка майор Романовский, на днях прибывший из госпиталя, при осмотре прохождения занятий, подъехав к группе всадников, завёл такой разговор:

– Здравствуйте, бойцы! Я командир полка майор Романовский.

Рядом с Леонтием гарцевали на разгоряченных после скачек лошадях, несколько всадников-красноармейцев, с которыми он уже хорошо подружился. Мужики были деревенские, почти его возраста и такие же спокойные и рассудительные, как и он: один из соседней деревни Старообинцево – Иван Бахарев, двое со Змеиногорского района – Алексей Обидин и Яков Матвеев, и новосибирец Гриша Меньшиков.

– Красноармеец Гуляев.

– Красноармеец Бахарев.

– Красноармеец Обидин.

– Красноармеец Матвеев.

– Красноармеец Меньшиков.

– А как вас величать-то, красноармейцы?

– Меня – Леонтий, а это Иван, Алексей, Григорий и Яков.

– Хорошо, постараюсь запомнить.

Майор сразу распознал главного в этой компании и обратился к Леонтию:

– А ты, боец, похоже, прирожденный кавалерист? И конь у тебя добрый, понятливый!

– Да, товарищ майор, Седой – молодчина! А я просто служил немного в кавалерии, ещё в Гражданскую, ну и в деревне всю жизнь на лошадях. А тут прямо наука! Вот мы её с товарищами и изучаем.

– Ну что ж, хорошо, осваивайте науку, бойцы, пока время есть и на фронт ещё не едем. В бою поможет, там учиться некогда будет... Там стреляют... Вижу вас постоянно вместе, это правильно: если научитесь чувствовать друг друга, то и в бою вам будет легче. А сейчас, главное, надо запомнить, бойцы, что сегодня не Гражданская война, она сегодня совсем другая – механизированная. Поэтому шашкой махать нам не часто придется, а коней надо использовать для быстроты передвижения как при преследовании врага, так и в рейдах по тылам, а может, и при отступлении для перегруппировки и накопления сил. В общем, учите лавировать и думать, думать... Я в госпитале до этого дошёл.

– Ясно, товарищ майор, учтём.

– Ну, вот и добре!

Майор ушёл. Мужики спешили, привязали коней к веткам деревьев, присели кружком, достали кисеты и свернули самокрутки. Некоторое время курили молча.

– Вон оно как, мужики, майор уже и в госпитале успел побывать, а всего три месяца война-то! Прёт немчура! Видимо, майор на границе служил.

– А у нас в деревне, жена написала, уже на троих похоронные письма пришли.

– Надо нам друг дружки держаться, майор правильно сказал. Может и прорвёмся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.